

называемаго возрожденія. Къ естественному, предъ которымъ суевѣрно преклоняются, относится и смерть, страхъ предъ которою заставляетъ, наконецъ, призывать смерть, какъ освободительницу отъ этого мучительнаго страха, писать ей гимны, прославлять ее. (Пѣвцы смерти—Леопарди, Дранморъ, Аккерманъ и др.) И хотя природа признается смертоносною, саморазрушительною силою, но она признается такою не потому, что она *слѣпая сила*;—а между тѣмъ можетъ-ли слѣпая сила привести къ чему либо другому, кромѣ смерти?!... Слѣпою силою люди признають природу даже тогда, когда и себя не исключаютъ изъ нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ смерть какимъ-то закономъ, а не простою случайностью, водворившеюся въ природѣ вслѣдствіе ея слѣпоты и ставшею органическимъ порокомъ. Смерть есть просто результатъ или выраженіе несовершеннolѣтія, несамостоятельной, несамобытной жизни, выраженіе неспособности къ взаимному возстановленію или поддержанію жизни. Люди еще недоросли, полусущества; но полнота личнаго бытія, личное совершенство возможно только при совершенствѣ общемъ. Совершеннolѣтіе есть и безболѣзненность, и безсмертіе, но безъ воскрешенія умершихъ невозможно безсмертіе живущихъ.—Чтобы судить о глубинѣ нашего нравственнаго упадка, достаточно сказать, что уже не различаютъ *естественнаю для слѣпой силы* отъ того, что *естественно для человѣка*:—это и значить, что остаются въ дѣтскомъ состояніи, но лишенномъ дѣтской чистоты. Самоисправленіе же, въ коемъ дается обѣтъ при крещеніи, состоитъ въ достиженіи совершеннolѣтія при сохраненіи дѣтской чистоты, и даже для сохраненія дѣтской чистоты необходимо достиженіе совершеннolѣтія.—Человѣчскій родъ, уподобляясь Тріединому, не долженъ поклоняться и служить слѣпой силѣ, ни даже ожидать естественнаго конца угасанія міра; но, познавая силы, человѣчскій родъ долженъ обращать ихъ въ орудіе возстановленія всего угасшаго.—Общій обѣтъ, который дается при исповѣданіи сѣмбола вѣры, не произвольное, не искусственное, не придуманное требованіе, а всеобщій, всечеловѣчскій *долгъ*, долгъ не слѣпой, а сознательной человѣческой природы. Въ согласіи обѣта и долга заключается примиреніе вѣры и знанія, или секуляризованнаго язычества съ христіанствомъ. Если мы не только сознаемъ, но и чувствуемъ, что наше бытіе не зависитъ отъ насъ, что мы не имѣемъ, слѣдовательно, ничего своего, то понятно, что въ основу долга не можетъ быть положено сознаніе своего достоинства, напротивъ въ основѣ долга должно быть сознаніе своего ничтожества, рабства, бѣдности естественной и тогда содержаніемъ долга будетъ приобрѣтеніе *независимости*,—но не въ политическомъ смыслѣ,—и *собственности*,—но не въ социальномъ, а въ онтологическомъ смыслѣ (*онтологія*—наука о бытіи), т. е. это будетъ приобрѣтеніемъ независимости и собственности въ смыслѣ физическомъ или даже въ физико-астрономическомъ. Долгъ и обѣтъ естественны, насколько сознаніе естественно въ природѣ; они и сверхъ-естественны, насколько сознаніе выше слѣпоты. Только философы, считающіе міръ своимъ представленіемъ, и могутъ признавать его (міръ) своимъ созданіемъ, своею собственностью, и быть гордыми этимъ сознаніемъ, т. е. безусловнымъ знаніемъ только себя самого, не признающимъ ни равнаго, ни товарища, ни да-